

Эд Макбейн
Добрый и мертвый
Серия «Курт Кеннон.
Рассказы», книга 4

*OCR Сайт любителей приключений: <http://rraymond.narod.ru/>
<http://mysuli.aldebatan.ru>
Оригинал: EdMcBain, "Good and dead"*

Содержание

Курт Кеннон (Эд Макбейн)

Добрый и мертвый

Он был маленьким человеком – и по росту и по значению. Еще один бродяга, еще один пьянчуга, еще один попрошайка. Никто.

Но это был Джо, и мы вместе делили тепло подъездов, вместе распивали содержимое бесчисленных бутылок с бормотухой, вместе мерили Бауэри из конца в конец, как сообщники, как друзья.

Это был Джо, и он был мертв.

Мертвый он оставался таким же оборванным, каким был при жизни. Его одежда, потрепанная, грязная, измятая, не улучшалась от ночевок на парковых скамейках и холодных тротуарах.

Я глядел на него, и мне в голову приходили мысли, казавшиеся незначительными, потому что размышления всегда становятся таковыми в присутствии смерти.

– Позовем копов, Курт? – спросил кто-то.

Я кивнул, продолжая смотреть на Джо и на струйку крови на его голове, там, куда вошла пуля.

Площадь Купера и статуя Петера Купера, смотревшего вниз с бронзовым равнодушием, были окаймлены решетчатой оградой и пустыми скамейками. Площадь Купера тонула в наступающей летней ночи, черной, как вороново крыло, окропленное блестками

звезд, которые Джо никогда уже не увидит.

Я чувствовал себя опустошенным.

– Курт, кому понадобилось убивать такого бродягу, как Джо? – спросил кто-то из ребят.

– Не знаю, – ответил я.

Напротив, через улицу, возвышалось здание Купер-юнион. Парень с девушкой, обнявшись, медленно шли в тени здания, направляясь к парку и кучке пьяниц. В воздухе веял легкий ветерок, летний ветер, который касался кожи, как нежная женская рука. В воздухе стоял нестройный шум, гул людей, толпящихся на улицах, шум вечера, умирающего, как умер Джо.

Вой сирен перекрыл нестройный уличный гул, и пьяницы, повернувшись спиной к закону, устремились в Бауэри, где их укрывали тени, тротуары и ветхие здания.

Повернулся спиной и я, медленно уходя прочь. А сирена завывала все громче. Я не обернулся, чтобы еще раз взглянуть назад. Я не хотел смотреть еще раз.

* * *

Чинк ожидал меня возле ночлежки, которую я уже почти три месяца называл своим домом. Он стоял в тени, и я прошел было мимо, если бы не тихий шепот:

– Курт...

Я остановился, взглядываясь в темень:

– Кто здесь?

– Это я, Чинк.

– Чего тебе?

– Найдется минутка, Курт?

– У меня в запасе вся жизнь. Что надо?

– Джо...

– Что, Джо...

– Вы были друзья, разве нет?

Я всмотрелся в темноту подъезда, пытаюсь увидеть лицо Чинка. Поговаривали, что он приехал из Шанхая и что он умеет говорить на двенадцати китайских диалектах. Ходили слухи, что он был в Китае большим человеком до того, как приехал в Штаты, и что он приехал сюда из-за женщины, которая изменила ему там, на его родине. Это как-то сближало нас.

– Вы *были* друзьями, не так ли, Курт?

– Мы были друзьями, ну и что?

– Ты знаешь, что случилось?

– Я знаю, что он убит.

– А знаешь, почему?

– Нет. – Шагнув в подъезд, я ощутил тошнотворный запах опиума, исходивший от Чинка и перебивавший вонь в подъезде. – А ты?

– И я нет.

– Тогда какого черта ты тянешь время?

– У меня есть одна мыслишка, Курт.

- Говори.
- А тебе это интересно?
- Чего ты тянешь кота за хвост, Чинк, давай, выкладывай, что у тебя.
- Мне кажется, что Джо убили по какой-то причине.
- В самую точку. Чинк. Ты действительно...
- Я хочу сказать, что это не было случайностью. Понимаешь? Это было задуманное убийство.
- Что ты имеешь в виду?
- Думаю, что Джо кое о чем узнал.
- Иди-ка докури свою трубку, Чинк, – бросил я, пытаясь обойти его. – Джо обычно бывал настолько пьян, что даже своих рук не мог рассмотреть...
- Гарри Цзе, – произнес Чинк.
- Кто такой?
- Он был убит перед этим, Курт. Ты слышал об этом, так ведь?
- Нет.
- Они думали, что это дело рук тонга[Тонг – тайная китайская организация, зачастую преступная.]. Гарри был большим человеком в своем собственном тонге.
- Что это такое?
- Не валяй дурака, Курт.
- Хорошо, Чинк. Но отчего ты думаешь, что одно связано с другим?
- Джо кое-что сказал, когда я рассказывал ему о Гарри.

– Когда это было?
– Вчера. Он сказал: «Так вот кто это был».
– Но это же ничего не значит, Чинк.
– Или значит слишком много.
– Хватит загадок. Итак, или это ничего не значит или значит слишком много...

– Я думал, Джо был твоим другом...
– Был. Теперь он мертв. Чего ты хочешь от меня?
Его делом уже занимаются копы.

– Ты ведь сам был легавым.
– Верно, был. А теперь – нет. Джо мертв. Копы найдут его убийцу.

– Думаешь, они будут заниматься каким-то бродягой и пьянчужкой? Несмотря на дырку от пули в его башке, они пустят слух, что он упал и разбился.

– Ну а ты, Чинк?
– Я беспокоюсь из-за него.
– Почему, тебе-то какая разница?
– Джо был добр ко мне, – протянул Чинк медленно. –

Он был добр ко мне, Курт.

В его голосе слышалась какая-то заминка, словно он боялся самой мысли о том, что *кто-то* может быть добр к нему.

– Добрые умирают молодыми, – сказал я. – Дай мне пройти, Чинк. Мне надо выспаться.

– Ты... ты не собираешься что-нибудь сделать?
– Думаю, что нет. Однако, может быть, поразмыслю

над этим. Не знаю. Спокойной ночи, Чинк.

Я начал подниматься наверх, и Чинк крикнул мне вслед:

– Он был твоим другом, Курт, помни об этом. Хотя бы об этом.

– Конечно, – отозвался я.

Я не мог забыть об этом, пока не уснул, и мне понадобилось на это довольно много времени.

* * *

Утро было жарким и влажным. Рубашка прилипла к спине, кожа зудела. Хотелось выползти из нес, как змея выползает из своей старой шкуры. Я раздобыл бутылку вина и прикладывался к ней раза четыре, прежде чем немного пришел в себя. Только после этого я взглянул утру в лицо, жмурясь от яростного солнца и мечтая о пляже, о горном озере или хотя бы о свежем ветерке. Но ничего этого не было. Вокруг – только асфальтовое пекло. Я двинулся в путь, направляясь в Чайнатаун, потому что утром, в свете нового дня, все представилось мне иным.

Я нашел Чинка. Он лежал на тюфяке. Опиум пропищал его глаза и слюну, стекающую с губ. Он сонно посмотрел на меня, а затем вяло улыбнулся:

– Привет, Курт.

- Этот Гарри...
 - Гарри Цзе.
 - Ну да. У него остался кто-нибудь?
 - Жена. Лотос Цзе. А в чем дело? Ты решился все-таки найти убийцу Джо?
 - Где она, жена Цзе?
 - На Мотт-стрит. Сейчас, Курт. Я дам тебе ее адрес. – Он вытащил откуда-то из-под себя кисть, окунул ее в чернильницу и намалевал адрес на клочке коричневой бумаги. – Скажи ей, что это я тебя послал. Скажи ей, что тебя послал Чарли Лу.
 - Это твоё имя?
- Он кивнул.
- Хорошо, Чарли, пока.
 - Успеха тебе, Курт.
 - Спасибо.

* * *

- Я постучал в дверь, подождал и постучал опять.
- Кто там? – Голос звучал напевно, как легкий ветерок, шелестящий в ивовых ветвях. Он рисовал картины древнего Китая, страны радужных птичек и фарфоровых небес, разноцветных кимоно и пятнистых белых жеребцов.
 - Я друг Чарли Лу, – сказал я в закрытую дверь.

– Минутку.

Я прождал гораздо больше, но, когда дверь открылась, не пожалел об этом. Она была маленькой с блестящими черными волосами, которые, падая на плечи, подчеркивали овал лица. Ее карие, цвета крепкого кофе, печально опущенные глаза окаймляли угольно-черные ресницы. У нее был широкий рот. Одета она была в шелковую блузку и юбку, которая обтягивала ее маленькие округлые бедра.

– Да, пожалуйста.

– Можно войти?

– Хорошо. – Напевность голоса превратила ответ в вопрос. Она отступила, и через занавески из бус я прошел в прохладную комнату, затененную соседними зданиями, придвинувшимися вплотную к открытому окну.

– Меня зовут Курт Кеннон, – сказал я.

– Вы друг Чарли?

– Да.

– Понимаю. Садитесь, мистер Кеннон.

– Спасибо. – Я опустился в легкое кресло, положив руки на колени. – Ваш муж, миссис Цзе. Что вы знаете о его смерти?

Ее глаза слегка округлились, но лицо сохранило привычную невозмутимость.

– Это то, зачем вы пришли? – Она пожала узкими плечами. – Он... убит. Что тут можно еще сказать?

– Как?
– Ножом.
– Когда?
– Во вторник ночью.
– Сегодня пятница, – произнес я, размышляя слух.
– Разве? – В ее голосе прозвучала такая безнадежность, что я вдруг поднял на нее глаза. Она не смотрела на меня. Она глядела в открытое окно на кирпичную стену соседнего здания.

– У вас есть какие-нибудь догадки о том, кто это сделал?

– Они сказали, что тонг. Я не знаю.
– А вы сами не думаете, что это тонг?
– Нет. Я ничего не думаю. Я... я не знаю, что думать.
– Чем занимался ваш муж?
– Экспорт – импорт. Его дела шли хорошо. Он был хорошим человеком. Мой муж. Хорошим человеком.

– Враги?
– Нет, нет. Я не знаю ни одного.
– Он казался чем-нибудь обеспокоенным?
– Нет. Он был счастлив.

Я глубоко вздохнул.

– Хорошо. Нет ли у вас чего-нибудь еще, что могло бы помочь мне?

Она покачала головой, готовая разразиться слезами.

– Вы не понимаете, мистер Кеннон. Гарри был счаст-

лив. Не было ничего, никаких причин... Никаких причин убивать его. Никаких.

Я подождал мгновение, прежде чем задать следующий вопрос.

– Бывал ли он где-нибудь вне дома? Я имею в виду, были ли у него друзья на стороне? Кегельная команда? Оркестр? Клуб? Что-нибудь вроде этого?

– Да.

– Что?

– Клуб. Он ходил туда по понедельникам. Его там очень любили.

– Как называется клуб?

– Китайский клуб. Это где-то на Малберри-стрит. Адреса я не знаю.

– Найду, – сказал я, поднимаясь. – Спасибо, миссис Цзе. Для меня очень важна ваша помощь.

– Вы ищете убийцу Гарри, мистер Кеннон?

– Думаю, что да.

Ее глаза были сухими, когда она провожала меня.

* * *

Китайский клуб извещал о себе красно-голубой надписью на вымпеле, развевавшемся на влажном летнем ветру. Под вымпелом – узкий вход. Два китайца в сдвинутых назад соломенных шляпах стояли по обе

стороны раскрытой двери, о чем-то тихо переговариваясь. Они глядели, как я поднимаюсь по длинной и узкой лестнице.

Внутри было темно. Я поднялся по истоптанным ступеням и остановился на лестничной площадке. Лестница вела наверх, на следующие этажи, но я решил взглянуть, что за дверью первого этажа. Не утруждая себя стуком, я нащупал дверную ручку, повернул ее, и дверь отворилась.

Комната была почти пустой. Вдоль стены тянулся длинный занавешенный шкаф, а возле самого входа стояли легкие стулья. В центре комнаты – длинный стол. За столом сидел человек. Перед ним лежал струнный инструмент, более всего походивший на небольшую арфу. У человека было высохшее пергаментное лицо китайского мандарина. В руках он держал две палочки с фетровыми наконечниками. Маленький мальчик со смоляными волосами стоял возле стола.

– Ну? – спросил старик.

– Я ищу друзей Гарри Цзе.

– О'кей, – ответил старик и шепнул что-то мальчонке. Тот, бросив на меня быстрый взгляд, вышел через дверь, в которую я вошел. Дверь за ним закрылась, я сел на легкий стул, а старик принялся ударять двумя палочками с фетровыми наконечниками по струнам своего инструмента. Это была музыка старого Китая. Она резко звенела в воздухе странной какофонией, за-

Чаровывая и как-то умиротворяя...

Палочки замерли, и старик поднял глаза.

– Ты *кто*?

– Курт Кеннон.

– Да. М-м-м-м, да.

И он вернулся к своему инструменту. В комнате было тихо, если не считать звона струн. Я закрыл глаза и слушал, вспоминая время, когда Тони и я открыли очарование Чайнатауна, открыли его для себя. Это было счастливое время, когда наш брак был таким же светлым, как дневной свет вокруг нас. Это было перед тем, как я застал се в объятиях Паркера, перед тем, как я разmozжил ему лицо рукоятью своего сорок пятого, перед тем, как Курта Кеннона снесло в Бауэри вместе с другими отбросами – еще одного парня, которому больше нечего проклинать.

Я слушал музыку и думал о спиртном, которое я поглотил с тех пор, о бутылках кислого вина, о куреве, о безысходной злобе. Я думал о ночлежках, о подъездах и садовых скамейках, о тротуарах, о подонках и бродягах Бауэри. Прекрасная картинка, Курт. Воистину, прекрасная картина. Как Джо. Только Джо мертв. В самом деле мертв. А я пока только на пути к этому.

Музыка прекратилась. И передо мной опять – убогая комната, старик и прерванные воспоминания.

– Кто-нибудь собирается поговорить со мной? – спросил я.

– Иди сам, – ответил старик. – Наверх. Иди. Кто-нибудь поговорит с тобой.

– Спасибо, – сказал я и вышел, раздумывая, почему старик послал передо мной мальчика. Вполне возможно, что это естественное недоверие к западному человеку. Теперь всякий здесь предупрежден, что в доме – посторонний. Я выбрался на лестницу, поднялся по ней, обнаружил на следующей площадке еще один вход и открыл дверь.

Комната была полна табачного дыма. В ней стояла, по крайней мере, дюжина круглых столов, и каждый окружали сидящие китайцы. Невысокие деревянные перила отделяли большую комнату от маленького кабинета с конторкой. Толстый человек сидел за конторкой спиной ко мне. Возле него стоял мальчик, которого я видел внизу. Повернувшись спиной к перилам и конторке, я стал разглядывать комнату. Несколько человек подняли на меня глаза, но большинство продолжали заниматься тем, что я счел какой-то игрой.

В комнате стоял шум, как в бедламе. Перед каждым человеком, сидящим за столом, находилась стопка плиток. Как я понял, игра шла по часовой стрелке, каждый игрок поднимал свою стопку и хлопал ею по столу, выкрикивая при этом что-то по-китайски. Я попытался уловить суть игры, но она оказалась слишком сложной. Каждый раз один человек поднимал заостренную палочку и передвигал по проволоке, натя-

нутой над столами, метки, напоминающие те, что используются при игре в пул[Пул – разновидность бильярда.]. В дальнем углу, за столом возле окна сидела группа людей, и это было самое тихое место в комнате. Они держали карты, и со стороны это выглядело несколько старомодно.

Отвернувшись от них, я уставился в спину человека, сидящего за конторкой, и прокашлялся.

Он повернулся вместе со стулом и широко улыбнулся, показывая золотые зубы.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, – сказал он.

Я указал головой за свое плечо:

– Что это? Маджонг?

Он оглянулся, словно не видел, чем заняты сидящие в зале.

– Китайская игра, – объяснил он.

– Спасибо, – сказал я. – Гарри Цзе тоже играл в нее?

– Гарри? Нет, Гарри играть покер. Дальний стол. Вы знаете Гарри?

– Не совсем.

Китаец покачал головой, и толстые его щеки затряслись.

– Гарри мертвый.

– Я знаю.

– Да, мертвый. – Он опять покачал головой.

– Он был здесь в прошлый понедельник?

– О, конечно. Он всегда играть покер, Гарри хороший

парень.

– Кто играл с ним?

– Хм-м?

– В прошлый понедельник. Кто играл с ним?

– Почему?

– Он убит. Может быть, это сделал один из его друзей. Кто был в тот день?

Толстый китаец резко встал и поглядел на дальний стол, затем кивнул головой:

– Тот люди. Всегда играть покер. Только они. – Он кивнул на дальний стол. – Они играть с Гарри.

– Спасибо. Думаю, я могу задать им несколько вопросов?

Толстый китаец пожал плечами, и я двинулся вглубь, минуя столы для маджонга. За карточным столом сидело четверо мужчин. Ни один из них не поднял глаз, когда я остановился рядом с ними. Я прочистил горло.

Худой человек с короткими черными волосами и чисто выбритым лицом с удивлением взглянул на меня. Глаза его были раскосыми, кожа туго обтягивала скулы. Он держал карты перед собой, раскинув их широким веером.

– Мое имя – Кеннон, – сказал я ему. – Насколько я понимаю, Гарри Цзе играл здесь вечером в карты перед тем, как был убит.

– Да? – отозвался худой человек.

– Вы здесь ведете игру?

– Могу и я. А в чем дело?

– Кто выиграл вечером в понедельник?

Худой человек задумался, пожал плечами и повернулся к другому игроку.

– Кто выиграл, Томми?

Томми был мощным парнем с широким лицом. Он тоже пожал плечами:

– Не помню, Лан.

– Это твое имя? – уточнил я первого парня.

– Да. Лан Чин.

– Так кто выиграл в тот день, Лан Чин?

– Не помню.

– Это был Гарри?

– Не думаю.

– Да или нет?

– Нет.

– Ты уверен?

Лан Чин посмотрел на меня:

– Вы из полиции?

– Нет.

Он кивнул:

– Гарри не выиграл. Этого для вас достаточно, – он вернулся к своим картам, выудил две из веера и сказал игроку, сидевшему напротив, – две карты.

Сдающий бросил две карты на стол, и Лан Чин протянулся за ними. В этот момент я протянул руку и сжал его запястье:

– Я еще не закончил, Лан.

Он высвободил руку и отодвинул стул назад.

– Тебе лучше убраться отсюда к черту, приятель, – заметил он.

– Курт, – поправил я. – Я хочу знать, кто здесь выиграл вечером в понедельник. Ты собираешься ответить на этот вопрос?

– Какое это имеет значение?

– Мне надо знать.

Лан нетерпеливо указал головой:

– Томми выиграл.

Я повернулся к мощному, широколицему китайцу:

– Ты?

– Да.

– Сколько?

– Несколько баксов.

– Гарри проиграл?

– Да.

– Сколько?

– Не помню. Два-три доллара.

– Кто еще выиграл? Ты сказал, Томми, что выиграл несколько баксов. Ты также утверждаешь, что Гарри проиграл около трех баксов. Что же делали остальные?

Лан Чин встал:

– Мы часто срываем банк. Подходит вам такой ответ?

– Может быть, – ответил я. – Возможно, я еще вернусь.

Кто-то за столом пробормотал:

– Не торопитесь.

Я остановился у конторки за деревянными перилами, и толстый китаец поднял на меня глаза.

– Я не уверен, что расслышал ваше имя, – произнес я.

– Вон. Сэм Вон.

– Мистер Вон, вечером в понедельник Гарри ушел отсюда один?

– Один.

– Он не говорил, куда направляется? У него не было свидания с кем-нибудь?

– Нет. Он не говорил. Я думаю, он идти домой.

– Понимаю.

Сэм Вон смотрел на меня с удивлением:

– Гарри нет убит ночью понедельник, – сказал он с недоумением. – Гарри убит ночью вторник.

– Знаю, – отозвался я. – Это как раз то, что смущает меня.

* * *

Ни одна из моих версий не подходила. Я точно стукнулся головой о каменную стенку, и это ощущение мне

не понравилось. Точно также в прежние дни мне не нравилось, когда кто-то совал мне под нос жирный гонорар, держа его как морковку для кролика, и требовал, чтобы я нашел пропавшего супруга или устранил повод для шантажа.

Сейчас гонорар мне не грозил. Только мысль о Джо, лежащем мертвым в маленьком парке, заставляла меня действовать, мысль о Джо, о котором я не знал практически ничего.

Я думал о последней бутылке, которую мы распили, сидя на краешке кровати несколько дней назад. Мы прикончили пятый «Импераил», забыв о жарких улицах снаружи, забыв обо всем, кроме желания погрузиться в безрассудное глухое опьянение.

Теперь Джо мертв, и Чарли подозревает, что есть связь между его смертью и смертью Гарри Цзе, человека, которого я вообще не знал. Разумный парень назвал бы это гиблым делом. Разумный парень сказал бы: «Отлично, ты, тупой ублюдок, твоя первая идея была ложной. Гарри Цзе не выиграл ни гроша и убили его не из-за этого. Есть какая-то другая причина, она кроется не в обманувшей его жене, потому что любовь ясно написана на ее лице. В общем, оставь это и забудь».

Но я давным-давно перестал быть разумным. Я перестал быть им с той ночи, когда разворотил лицо Паркеру.

В поисках цели я двинулся по Чайнатауну. Я шел мимо витрин, в которых были выставлены травы и коренья, рыба, пряности и битая птица. Я шел мимо других витрин, где были выставлены сандалии и кимоно, нефрит, четки, шкатулки, статуэтки и веера. Я шел мимо киосков с китайскими газетами и журналами. Я шел мимо ресторанов, мимо домов, нижние окна которых находятся на одном уровне с улицей. Я шел мимо всего этого в одуряющей зловонной жаре, которая в узких улочках липла к тебе как нечто осязаемое.

Но так ничего и не надумал.

Жара душила. Она заползала в распахнутый ворот моей рубахи, стекала струйками пота по спине. Было слишком жарко, чтобы ходить, и слишком жарко, чтобы думать, и чертовски жарко, чтобы делать что-нибудь кроме того, как приникнуть к стакану пива, покрытому холодными капельками.

Но я думал, я гнал жару вон из мозга и пытался вспомнить, что миссис Цзе говорила о своем муже.

Экспорт-импорт.

Я остановился в ближайшей лавочке, перебрал две дюжины Цзе в телефонной книге и наконец обнаружил адрес его конторы прямо в центре Чайнатауна, где, как надеялся, нахожусь и я. Вздохнув, я вытер пот со лба и направился в его офис.

Это была маленькая захудалая контора с выглядевшей солидно вывеской над дверью «ГАРРИ ЦЗЕ. ЭКС-

ПОРТ-ИМПОРТ». Я дернул дверную ручку, будучи наполовину уверен, что контора закрыта. Но дверь отворилась, и я очутился в небольшой приемной. Возле стены помещалась конторка, а за конторкой сидела китаянка. Она подняла голову, когда я вошел. Глазами, напоминая ягоды терновника, она откровенно разглядывала меня с головы до ног.

Одета она была так, как некоторые девушки из сабвея... Как большинство китайских женщин, она была маленького роста, но в ней не было ничего изящного или изысканного. Ее обтягивало платье из зеленого шелка, вырез которого низко опускался меж грудей и заканчивался застежкой из поддельных бриллиантов где-то возле пупка. На полных губах – мазок яркой помады, вот и весь макияж.

– Меня зовут Курт Кеннон, – представился я.

Искра интереса мелькнула в ее глазах и угасла, затем вновь зажглась и разгорелась, как пылающий уголек.

– В самом деле? – Она облизнула губы кончиком языка. – Могу вам быть чем-нибудь полезной, сэр?

– Миссис Цзе послала меня, – солгал я. – Что вы знаете о ее муже?

– Вы расследуете его убийство?

– Более или менее, – ответил я.

Она с сомнением поглядела на меня, а затем пожала плечами. Откровенный вырез ее платья увеличил-

ся, по крайней мере, на дюйм. Я смотрел на нее, но ее глаза встретили мой взгляд открыто и спокойно.

– Я ничего не знаю о его убийстве.

– А как насчет его привычек?

– Что вы имеете в виду?

– Знаете ли вы, куда он собирался в ту ночь, когда его убили?

– Да, один из наших клиентов живет на Западной – 72 улице. Думаю, он собирался туда. Скорее всего именно туда.

– В чем состоит ваша работа здесь?

– Прием корреспонденции, секретарь и девушка на все случаи жизни.

– Что означает «на все случаи жизни»?

– Как раз то, что перечислено. – Она подняла брови. – Гарри был женат. Я знаю его жену и уважаю ее.

– Ясно.

– Гарри пошел прогуляться на Четырнадцатую улицу... Он сказал мне об этом, прежде чем уйти из офиса. Но он так и не дошел до сабвея. Он был убит в Купер-юнион.

– Там, где убит и Джо.

– Кто? О да, Джо. Друг Чарли Лу.

– Вы знали Джо?

– Нет, – она высвободила ноги из-под конторки, и юбка ее задралась выше колен. Она заметила это, но не шевельнулась, чтобы одернуть. – Нет, я не знаю Джо.

Но Чарли рассказал мне, что тот говорил. Он считает, что между этим есть какая-то связь.

– А вы как думаете?

Она пожалала плечами, и на этот раз разрез раздвинулся значительно больше, чем на дюйм. Она продолжала говорить, а ее руки ласкали брошь с поддельными бриллиантами, скрепляющую вырез платья.

– Не знаю. Я передала это миссис Цзе. Она сказала, что повидает Чарли, чтобы он показал ей этого Джо. Она сказала, что хочет спросить его, что он видел.

– Когда это было?

– Думаю, вчера. Не помню точно. Тут ужасно много путаницы во всем. – Она вдруг замолчала и скрестила ноги, сбросив одну из своих туфель на высоком каблуке. Разрез на ее платье распахнулся так, что дальше некуда.

– Новые туфли, – пояснила она. – Жмут.

Я встал и подошел к конторке. Она подняла голову, посмотрела на меня и опять облизнула губы.

– Дорогуша, – сказал я. – Ты напрашиваешься на неприятности.

Ее голос прозвучал низко и ровно:

– А может быть, я хочу неприятностей. Мне надоело круглые сутки сидеть одной.

Я принял это к сведению и повернулся к двери. Девушка вскочила, как кошка, подбежала к двери и попыталась заслонить ее. Попыталась, но неудачно, пото-

му что заслонить что-нибудь таким телом, как у нее, было сложновато.

– Ну ладно, – сказал я. – Хватит драм. Я ухожу.

В одно мгновение она извернулась, закрыла дверь на ключ и повернулась ко мне. Бриллиантовой застежки на платье уже не было. Девушка подбрасывала ее на ладони, и движения рук отзывались шелковой рябью ее платья.

Она смотрела на меня взором, полным древнего пламени, взором, который вспыхнул раньше, чем человек научился разжигать огонь. Она подступила ближе, и внезапно я забыл и о жаре, и о Джо и Гарри, обо всех и обо всем на свете. Остались только ее опущенные глаза и влажные губы, я обнял ее и коснулся губами шеи. Людской гам и шум машин остались на улице, снаружи.

Я ушел от нее нескоро, и опять зашагал по тротуарам, миновал пару кварталов и только тогда осознал, что меня преследуют. Я ускорил шаг, и пот сразу покрыл все мое тело. Перейдя узкую, извилистую улицу, я нырнул в аллею и бросился бегом на другой ее конец. Я рассчитывал, что мои преследователи знают Чайнтаун не так хорошо, как я, и чуть было не врезался в них на другом конце аллеи.

Я успел узнать Лан Чина и его приятеля Томми, но уже получил удар кулаком, неожиданно сильный для такого худого человека, который нанес его. Я ответил,

чувствуя, что слишком жарко и что я в последнее время слишком много пьянствовал.

– Сукин сын, – выкрикнул Лан.

Подняв голову, я успел увидеть в его занесенной руке палку. Затем палка обрушилась на меня, отбросив к краю аллеи. Я схватил для защиты кирпич, но палка вновь поднялась и опустилась, пройдя на этот раз в полудюйме от моей щеки.

– Ты сейчас в морг отправишься, ублюдок, – выкрикнул Лан и перехватил палку. На этот раз я упал на колени, а Томми быстро и сноровисто ударил меня ногой. Лан склонился надо мной, и палка превратилась в кузнечный молот, поднимаясь и опускаясь без разбора на мои плечи, лицо, поднятые руки.

– Будешь еще ломать карточную игру? Придешь еще хулиганить?

И при каждом слове молот поднимался и опускался, вколачивая меня в цемент дорожки, пока наконец голова моя не коснулась его, а завершающий пинок Томми по черепу погрузил все в черноту.

* * *

Кирпичная стена была в милю высотой. Она, накренившись, нависала надо мной. Я разглядывал ее, раздумывая, когда же она рухнет, и не скоро осознал, что

она вообще не собирается падать. Поднявшись на колени, я дотронулся до саднящей маски, в которую превратилось мое лицо. Болело все, и болело еще больше, когда я вспоминал Лана и Томми. Но я не злился на них. Они исколошматили меня, но они же подали мне мысль. И это была мысль, до которой любой тупой ублюдок должен был дойти сам. Так что я выбросил их из головы и заковылял прочь. Лан Чин сказал, что я отправлюсь в морг, и он был прав...

Там было прохладно. И я порадовался передышке от жары, следуя за служителем по длинному, мрачному коридору.

– Вот здесь, – сказал служитель.

Он выдвинул каталку, и я взглянул в безжизненное лицо Джо. Пьянство оставило на нем отпечаток, который не могла стереть даже смерть.

– Это он, – сказал я.

– А как же, – ответил служитель, и его голос эхом отразился от стен.

– Я... меня интересуют его личные вещи.

– Вы его родственник?

– Нет. Не думаю, что у него были какие-нибудь родственники. Я был его другом.

– М-м-м. – Служитель глубоко задумался. – Их, видишь ли, было не так уж много. Всем их отправили в отдел по расследованию убийств, они там все еще проводят расследование. Остался, правда, список, я могу

показать его.

– Я вас отблагодарю.

– Ладно. Не стоит беспокоиться.

Я последовал за ним к столу в конце коридора. Он сел, достал журнал и начал его перелистывать.

– Смотрите. Да, вот он – Джозеф Х. Гундер.

Я даже не знал фамилии Джо. Бауэри дает вам возможность сохранить полную анонимность.

– Не так-то много у него было всего, – повторил слушатель. – Прочесть?

– Да, пожалуйста.

– Один доллар бумажкой, тридцать пять центов мелочью. Пропустить?

– Нет, нет.

– О'кей! Слушайте. Носовой платок, нож с выкидным лезвием, бутылка вина – почти пустая, несколько круглых аптечных резинок, пачка «Кемела» – в ней два окурка. Бумажник с удостоверением личности. Это все.

– Вино? – Я думал о бутылке «Империаля», которую Джо принес ко мне, и о том, как мы прикончили ее.

– Да, это точно.

– И... и складной нож.

– Угу. – Он кивнул головой.

– И деньги тоже?

– Повторить все снова?

– Нет, достаточно. Спасибо... – Я замялся. – А как они решили, отчего он умер?

- Дырка в голове. Хотите взглянуть еще разок?
- Нет. Я имел в виду, какой калибр пистолета?
- Двадцать два. А что?
- Просто любопытно. Ну я пойду.
- Пока, мистер. Забегайте к нам иногда.

Я вышел на солнечный свет, подальше от заплесневелых трупов. И так, кое что действительно нашлось в морге – я в долгу перед Лан Чином. Но конец ниточки в другом месте, и я направился туда.

Дверь открылась, когда я постучал и назвал свое имя.

- Извините. Я пришел лишь уточнить кое-что.
- Ничего, ничего.
- Можно войти?
- Разумеется.

Я прошел за ней в комнату и сел в то же самое мягкое кресло. На этот раз я не смотрел ни в пол, ни на свои скрещенные руки. Я смотрел прямо на нее.

- Вы когда-нибудь ходили по Бауэри, миссис Цзе?

Ее глаза все еще были тревожными. Она смотрела на мир сквозь коричневые занавески, которые скрывали таящуюся в ней боль.

- Да.
- Часто?
- Я знаю этот район.
- У вас есть оружие, миссис Цзе?

Она заколебалась:

– Почему... Да. Есть.

– Случайно не двадцать второго калибра?

Она долго колебалась, потом глубоко вздохнула и подняла на меня глаза. Лицо ее было безжизненной маской, а голос – тускл:

– Вы знаете.

– Я знаю.

Она безразлично кивнула головой:

– Он заслужил то, что получил.

– Джо?

– Да, Джо. Он был... вашим другом, не так ли?

– Скорее, собутыльником, миссис Цзе. Человек в Бауэри знает не слишком много о тех, кто его окружает. Не знает того, на что они живут.

– Как же вы узнали? Как вы узнали, что я... убила его?

– По нескольким вещам. Одна из них – бутылка «Империала». Когда Джо принес ее ко мне, мне даже в голову не пришло спросить, откуда у него деньги на такую выпивку. Бродяге нелегко раздобыть нужную сумму. Когда его привезли в морг, с ним оставалась еще одна бутылка вина и деньги. Так я узнал, что Джо недавно разбогател – и его складной нож объяснил мне, каким образом.

– Гарри был зарезан, – произнесла она без всякого выражения.

– Верно. Джо даже и не знал, кто был его жертвой.

Когда Чарли поведал ему это, Джо, возможно, был пьян. «Так вот кто это был». Он произнес эти слова не подумав. Чарли решил, что Джо видел убийцу вашего мужа. Он не понял, что убийцей был сам Джо.

– А я? Как вы добрались до меня?

– Догадка и предположения. Двадцать второй – это женский калибр.

– У меня есть разрешение, – сказала она. – Я часто хожу по Бауэри. Гарри решил... он решил, что я должна иметь оружие.

– Как это произошло, миссис Цзе? Вы не хотите рассказать?

– Хороша, – она помолчала. – Хорошо. Чарли показал мне вашего... друга. Расставшись с ним, я пошла за этим человеком и на площади Купера подошла к нему. Я спросила его, что он имел в виду, сказав: «Так вот кто это был?» Он ужасно испугался. Он сказал, что не хотел убивать Гарри. Думаю, что он был пьян. Не знаю. Он сказал, что попросил у Гарри дайм и Гарри отказал. Он вытащил нож, а когда Гарри стал кричать, зарезал его. Он... зарезал его... из-за дайма...

– Продолжайте.

– Я не могла поверить к это, мистер Кеннон. Я вытащила револьвер из сумочки и выстрелила. Только один раз. Только раз. Понимаете, потому что он зарезал Гарри.

– Да, я понимаю.

– Я застрелила его, – повторила она.

Ее голос звучал в комнате словно эхо, и тишина одержала над ним верх в четырех стенах. Через некоторое время женщина подняла голову и произнесла совсем тихо.

– Вы... вы отправите меня в полицию?

– Нет, – сказал я.

– Но...

Я встал.

– Миссис Цзе, – сказал я, – мы с вами никогда не встречались.

Я вышел в дверь, оставив ее в комнате, окна которой смотрели на голую стену. Я зашагал по улице, оставив ее одну, потому что я тоже потерял человека, которого любил, и я знал, что при этом чувствуешь.

На улице было жарко.

Но там, где находился Джо, тоже стояла жара.